

RU

Категория «политическая свобода» в дискурсе постмодерна

Экзекова М. Н.

Аннотация. Статья посвящена проблематике выявления особенностей такой философской категории, как «политическая свобода» в дискурсе постмодерна. При детальном анализе трудов Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лиотара и других политических философов и социальных теоретиков прослеживается переход от определения свободы как эмансипации к оформлению данного понятия как проблемного конструкта, на который влияет множество динамических факторов, а именно властные отношения и дискурсивные практики. Целью статьи выступает выявление основных концептуальных сдвигов в понимании политической свободы как фрагмента политического бытия в постмодерне и оценка их теоретических и практических импликаций. Новизна исследования состоит в том, что посредством анализа «политической свободы» как философской категории была проведена систематизация внутренних парадоксов политической свободы, порождаемых постмодернистской критикой метанарративов. В результате автор устанавливает, что политическая свобода как категория в дискурсе постмодерна утратила статус высшей ценности и стала сферой для ведения дискуссий и борьбы интерпретаций, таким образом сам факт возможности политической свободы постоянно переосмысливается.

EN

The category of “political freedom” in postmodern discourse

M. N. Ekzekova

Abstract. The article is devoted to identifying the specific features of the philosophical category of “political freedom” in postmodern discourse. Through a detailed analysis of the works of J. Derrida, M. Foucault, J.-F. Lyotard, and other political philosophers and social theorists, the study traces the transition from defining freedom as emancipation to conceptualizing it as a problematic construct shaped by multiple dynamic factors, namely power relations and discursive practices. The study aims to identify the major conceptual shifts in the understanding of political freedom as a constituent of political being in postmodernity and to assess their theoretical and practical implications. The scientific novelty lies in systematizing the intrinsic paradoxes of political freedom generated by the postmodern critique of metanarratives through the analysis of “political freedom” as a philosophical category. As a result, the author establishes that the category of political freedom in postmodern discourse has lost its status as a supreme value and has instead become an arena for contestation and competing interpretations; thus, the very possibility of political freedom is subjected to continuous reinterpretation.

Введение

Понятие «политическая свобода» привлекало внимание философов с Античности и до современности, политическая свобода как философская категория является базовой для множества философских концепций о государстве и обществе, однако с наступлением последней трети XX века, когда постмодернистский дискурс стал влиятельным и широко распространенным интеллектуальным течением, сама возможность говорить о свободе в ее классическом понимании подверглась сомнению. Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, постмодернизм является «типом чувствования, умозрения» (Лиотар, 1998, с. 72-73), пронизывающим все сферы жизни и деятельности общества и формирующим новую оптику для восприятия и представления социально-политической реальности.

Актуальность исследования обусловлена несколькими философскими и историческими факторами. Во-первых, современное общество переживает глубокую трансформацию политических институтов и представлений о власти, что напрямую влияет и на переоценку самой свободы. Во-вторых, критика метанарративов, характерная для философов постмодерна, поставила под сомнение основания либерально-демократических проектов эмансипации. В-третьих, в современной философии наблюдаются полярные точки зрения о влиянии постмодерна на понимание свободы в целом: одни исследователи видят в постмодернистской критике возможность подлинного освобождения, другие усматривают в ней угрозу деградации политической культуры (Волков, 2013, с. 87-88).

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть постмодернистскую критику классических представлений о свободе; 2) проанализировать роль деконструкции в переосмыслении политической свободы; 3) исследовать взаимосвязь свободы и власти в концепциях М. Фуко и Ж. Бодрийяра; 4) охарактеризовать коммуникативные аспекты политической свободы в постмодернистском дискурсе.

Методологическую основу исследования составляют:

1) принципы историко-философского анализа, которые позволяют выявить специфику представлений о свободе в теоретических концепциях западных философов разных исторических периодов, сформулировав основные парадигмальные нарративы представлений о свободе и политическом пространстве на разных исторических этапах;

2) герменевтический подход является фундаментальной методологией исследования, направленной на выявление смыслов и содержательных коннотаций концепта «политическая свобода» в текстах Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лиотара;

3) элементы дискурс-анализа позволяют дополнить анализ текстовых массивов оценкой публичного дискурса философов-постмодернистов относительно концептов «свобода», «власть», «политическая свобода» и др., что позволяет более глубоко и целостно интерпретировать представления философов о предмете нашего исследования.

Теоретической базой служат работы постструктуралистов и постмодернистов Ж. Деррида (2000), М. Фуко (1996), Ж.-Ф. Лиотара (1998), Ж. Бодрийяра (2000а; 2000b), которые критикуют классические подходы к пониманию свободы вообще и свободы политической как особой формы становления человека в пространстве политического бытия, отстаивая тезис о том, что политическая свобода представляет собой многогранную динамичную категорию, которую нужно защищать от гнета и влияния социально-политической системы. Идеи Ю. Хабермаса (2003), которые находят выражение в его трудах, крайне актуальны для нашей работы, поскольку он представляет иную позицию, согласно которой политическая свобода имеет институциональные основания, а коммуникативные практики выступают в качестве механизма реализации данной категории в современном глобализирующемся информационном обществе. Направления философской мысли разных представителей постмодерна в отношении категории «политическая свобода» позволяют выявить особенности взглядов представителей постмодернистской парадигмы на исследуемый феномен.

Изыскания отечественных авторов, посвященные проблемам постмодернизма и политической философии (Анурин, 2001; Волков, 2013; 2015; Высочина, 2015; Лукин, 2014; Петрова, 1997) представляют совершенно иной взгляд на определение политической свободы в пространстве постмодернистского дискурса. Декларируя постмодернистскую парадигму как порождение масштабного и всеохватывающего кризиса современного общества, отмечая, что постмодерн разрушает основания и классические представления о категориях политики и свободы, авторы при всем при этом отстаивают важность построения новых ценностных ориентиров и нормативных маяков для многих феноменов пространства политического, в том числе и для политической свободы; создать современную понятийную матрицу в условиях цифрового общества, по мнению российских исследователей, поможет междисциплинарный подход.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в результате его проведения было выявлено: постмодернистский дискурс в лице своих наиболее влиятельных теоретиков не дает универсального ответа на вопрос определения и осмысления категории «политическая свобода», оформляя данную категорию как перманентно «становящуюся» и разворачивающуюся в социально-политическом пространстве современного общества. При этом наибольшее значение имеет тезис о необходимости борьбы с «политическими симулякрами», которые искажают реальность, создают химерические формы политических идей, ценности и установки, не соответствующие реальным фактам и событиям и тем самым препятствуют реализации политической свободы гражданами. Данный тезис крайне важен в условиях современной геополитической обстановки, существования таких форм идеального, как политические фейки, синкретические идеологии и другие формы политических симулякров, которые противостоят реализации политической свободы, так как искажают представления человека о политической реальности. В данных условиях предложение постмодернистов охранять свободу от симулякров представляется крайне актуальным, а возможный путь реализации такой цели лежит через оформление новой философской матрицы оценки феноменов и явлений в пространстве перманентно изменяющегося политического бытия.

Обсуждение и результаты

Постмодернизм, возникший на волне протестных движений 1960-х годов и оформившийся как самостоятельное направление в 1970-1980-е годы, представляет собой сложный и многомерный феномен (Волков, 2013, с. 81). В сфере науки о политике постмодернизм начинает активно развиваться с 1970-х годов, но первой монографией по политическому постмодернизму является работа «Политика постмодернизма» Д. Гиббинса и Б. Реймера (Gibbins, Reimer, 1999), она вышла в 1999 году. Как справедливо отмечает В. Ф. Анурин (2001, с. 113), «первыми распахали целину постмодернизма» западные философы, социологи и политологи.

Постмодернистский подход к политической свободе принципиально отличается от классических либеральных и марксистских трактовок. Если для Просвещения, как отмечает В. Н. Волков (2013, с. 83), характерна вера в возможность освобождения человека через разум и прогресс, то постмодернизм отказывается такого оптимистичного взгляда на мир. Отказ от метанарративов, то есть претендующих на универсальность

концепций и идей о прогрессе, жизни, освобождении и эмансипации, является одной из определяющих характеристик мышления представителей идей постмодерна. «Сегодня, когда, казалось бы, внешние оковы разрушены, назвать человека свободным нельзя, так как человек по-прежнему подвержен диктату “законодательного Разума”» (Биесов, 2016). Если детально рассмотреть данный тезис о свободе, станет ясно, что постмодернизм и его философия не отрицают свободу как таковую, но ставят проблемный вопрос о границах и критериях определения этой свободы, когда все подверглось переоценке, понимание свободы или несвободы стало затруднительным и субъективным для каждой отдельной личности. В такой ситуации свобода – это отныне предмет для постоянной борьбы интерпретаций, кажется, что можно принять любую из них, которая покажется более привлекательной, тем самым решив вопрос на уровне индивидуальных представлений, однако различные дискурсы в постмодерне все еще продолжают борьбу за право определять, что есть свобода или ее отсутствие. Как подчеркивает Г. И. Петрова, в такой ситуации современный человек «трагически ясно осознал мир, в котором живет, в точности отвечающим его собственному плану; реальность предстала реализацией его же рационального проекта» (1997, с. 205-206). Именно оно, данное осознание, порождает как личностный кризис человека, так и кризис всех существующих представлений о свободе, причем не только в политических аспектах.

Понятие «метанарратив», согласно Ж.-Ф. Лиотару (1998, с. 160), представляет собой идеи, «рассказы» и истории, которые «по проекту» ведут человека к счастью, свободе, а цивилизацию подводят все ближе к концу истории. Такими можно назвать большинство «-измов»: марксизм, экзистенциализм и другие идеи, претендовавшие на универсальное решение социальных вызовов. Однако исторический опыт показывает несостоятельность и недостаточность подобных универсальных концепций, потому что наравне с марксизмом в XX веке можно видеть и национализм, и фашизм. И все эти метанарративы оказались противоестественными для человека и заканчивались неудачей (Волков, 2015).

В таком случае крах метанарративов открывает перед человеком разнообразие путей свободы и самореализации. Теперь нет зависимости от внешних предписаний, различных моральных, нравственных предписаний и предписаний долга. Но в то же время такое отсутствие ориентиров порождает глубокий экзистенциальный кризис и тревогу. Э. Фромм (2008, с. 253) говорил о том, что потребность иметь некий ориентир, в соответствии с которым можно выстраивать свое поведение, может благотворно сказаться на бытии современного человека. Отсутствие четкого понимания целей и смыслов своей деятельности ведет к поиску новой идентичности, которая может иметь деструктивный характер, «растворить» человека в коллективном сознании, находиться в перманентном состоянии становления.

Таким образом, идеи постмодерна о замене метанарративов нарративами не способны решить вопрос об экзистенциальных проблемах человека, потому что полная свобода начинает граничить с лишениями. Политическая свобода в этих условиях также становится проблемой, потому что требует постоянного личного поиска и является негарантированной, так как метанарративы пали.

Концепция деконструкции, предложенная Ж. Деррида (2000), оказала сильное влияние на категорию политической свободы. Несмотря на то, что изначально деконструкция скорее была применима к литературному дискурсу, в процессе развития философии постмодернизма стало понятно, что данный подход применим и к другим сферам гуманитарного знания и может служить специфической методологией кросс-гуманитарных исследований.

Давая характеристику деконструкции, можно выделить следующее: это способ выявления в постулатах, считающихся однозначно истинными, того, что носит «субъективный» характер. Об этом писал еще М. Фуко (1996, с. 97-268), и для него этот «налет» субъективности является последствием различных особенностей конкретной исторической эпохи, именно они и формировали системы мышления и дискурса в прошлом. Но сам автор данной концепции Деррида (2000, с. 540) использовал другую терминологию, утверждая, что в любом тексте хранятся скрытые, «спящие смыслы», которые рожают мыслительные стереотипы.

В отношении политической свободы деконструкция представляет собой критику устоявшихся оснований свободы. Деррида (2000) стремится сместить центры текста и разрушить устоявшиеся в нем иерархии. Он приводит в движение цепочки бинарных оппозиций с целью подорвать существующие смыслы. За бинаризмом, считает Деррида (2000, с. 538), сокрыты наиболее одиозные проявления власти: это не просто противопоставление понятий, но и придание «более предпочтительного» статуса одному из них, т. е. доминирование одного значения над другим. Как подчеркивает Деррида (2000), основная задача деконструкции это процесс выявления за очевидными нормами, традициями и правилами латентных отношений власти, посредством которых оказывается влияние на социальное тело.

Однако деконструкция это не только разрушение старых ценностей. Как отмечает В. Н. Волков, «деконструкция переводит разборку прежних идеалов-ценностей в “горизонтальную плоскость”, где все ценности предстают как равнозначные, равновеликие» (2015, с. 9). Следовательно, деконструкция является заменой старых идеалов новыми ценностями, однако эти ценности могут представляться в виде цинизма, который для некоторых индивидуумов заменяет критическое мышление, или нарциссизма.

Но нельзя сказать, что деконструкция представляет собой простое явление; несмотря на спорность концепции, в ней существует положительный потенциал: «...деконструкция развенчивает миф о некой абсолютной истине, центре, который структурировал бы как индивидуальное, так и общественное бытие» (Петрова, 1997, с. 205-208). Это дает современному человеку возможность сконцентрироваться на собственных переживаниях, на индивидуальном восприятии мира, на это способна сильная и независимая личность. К этому в целом весь дискурс постмодерна и призывает: обретать свою силу в свободе.

Важное место в развитии представлений о политической свободе в постмодернистском дискурсе занимают работы Мишеля Фуко (1996; 2002). М. Фуко (2002) считает, что в вопросе понимания власти нужно обратить внимание не на институциональные аспекты, а на особенности властных отношений. Власть, по Фуко, – это «система отношений силы, возникающих в каждой точке социального пространства», это «стратегии, в которых развиваются эти отношения, это игры, которые их трансформируют» (2002, с. 310). В данной идее важно понять всю новизну, потому что если власть не институализирована, а присутствует во всех сферах жизни общества, то и свобода не может считаться просто отсутствием внешнего воздействия на личность и принуждения, теперь власть не персонифицирована: «Здесь нет ни субъекта господства, ни субъекта подчинения» (Фуко, 2002, с. 312). Власть у М. Фуко (2002) можно считать межсубъектными отношениями, так как власть существует исключительно между людьми и рождается в процессе коммуникации и формирования социальной иерархии. Политическая свобода с этой точки зрения оказывается не столько состоянием, сколько процессом – постоянным противостоянием интересов, личностей или, можно сказать, нарративов.

Еще более радикальную позицию занимает Жан Бодрийяр (2000a; 2000b). Для Ж. Бодрийяра (2000a) умерли не только метанарративы, или авторы, а сами категории, в том числе и категория «власти», без которой нет и свободы. «Дело не просто в рассеивании власти, – пишет Бодрийяр, – а в том, что она полностью, пока еще непонятным для нас образом, растворилась, обратившись в свою противоположность, самоустранилась или обрела гиперреальность в симуляции» (2000a, с. 96). Политическая свобода в интерпретации Бодрийяра (2000a) как следствие оказывается также растворенной, иллюзорной и потерявшейся, как и власть. Теперь власть – это симулякр, а значит, и борьба с властью за свободу в политике или в социуме также симулякр. Единственный выход в данном случае, по Бодрийяру (2000a), возможен через признание обратимости властных отношений. Обратимость предполагает смыывание границ между теми, кто властвует, и теми, над кем властвуют, она вводит запрет на однонаправленность власти, на ее бесконечность (Бодрийяр, 2000b, с. 320). Таким образом, для Бодрийяра (2000b, с. 321) «политическая свобода» – это элемент игры симулякров.

Наряду с перечисленными концепциями в постмодернистском дискурсе формируется коммуникативный подход к пониманию политической свободы. Его базовые послышки были заложены еще Л. Витгенштейном (Высочина, 2015), в них автор очерчивал пределы мышления посредством языка и его границ возможностей, позже эти идеи получили развитие также в работах К.-О. Апеля (Apel, 2000) и Ю. Хабермаса (2003). Например, Апель предполагает существование идеального общества или отдельных обществ, способных строить успешную коммуникацию, где смысл любого высказывания будет понят адекватно (Гиббинс, Реймер, 1999, с. 138). Ю. Хабермас (2003) подчеркивает зависимость существования социума от успеха и вида языковой деятельности. Коммуникация, в видении Хабермаса (2003, с. 231), должна оставаться рациональной, поскольку только в данной форме ее участники смогут достичь консенсуса. Логика философской концепции Ю. Хабермаса (2003) демонстрирует нам тезис о том, что согласие в истинном смысле равенства и нивелирования противоречий достигается только коммуникацией, исключая возможность достижения консенсуса «грубой» силой, а аспект рациональности такой коммуникации, когда все ее акторы действуют из позиции осознания и реализации своих интересов, говорит о том, что отношения власти в этом случае нивелируются.

Однако представители французского постмодернизма подвергают критике хабермасовскую идею рационального консенсуса. Язык, по Ж. Лиотару, например, представляет собой «пространство непрерывной битвы, в котором различные дискурсы борются за выживание» (1998, с. 163), и здесь не может идти речи о рациональности и снятии властных отношений.

Таким образом, можно сказать, что коммуникация и власть оказываются неразрывно связанными в дискурсе постмодерна. Не только коммуникация является частью властных отношений, но и власть не всегда явно, но существует в процессе коммуникативных актов. В этом контексте идеи консенсуса Хабермаса (2003) и представляемая им ситуация идеальной коммуникации, основанной на рациональности, представляется утопичной.

Получается, что коммуникация всегда опосредована властными отношениями, а следовательно, свобода в коммуникации не может просто быть априори, она должна быть получена одной из сторон коммуникации в процессе взаимодействия, а точнее – противостояния. При этом «отношения власти, пропитывающие коммуникацию, не являются неким злом» (Декомб, 2000, с. 304), их необходимо воспринимать как должное, то есть как неизбежную характеристику, и в такой ситуации самым важным становится выстраивание стратегии защиты, основанной на различных коммуникативных навыках и в том числе на этических и моральных инструментах, чтобы свести властные выпады в свою сторону к минимуму.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд парадоксов, характеризующих категорию политической свободы в дискурсе постмодерна.

Первый парадокс связан с тем, что в контексте политической свободы постмодерна освобождение от старого ведет во многом к новой зависимости. Отказ от метанарративов привел человека к свободе от великих идеологий, но одновременно лишил его многих смыслов и ориентиров в жизни, которые выступали факторами для устойчивости. Как отмечал Э. Фромм (2015, с. 125), человек «бежит от свободы» в те моменты, когда понимает, что свобода стала бременем. Современный для постмодерна человек может освободиться от внешних неволяющих идей, однако этот путь не всегда освободит его внутренне, потому что остаются старые привычки, или просто желания, или, как говорят в философии, аффекты, среди которых: стремление соответствовать моде, нормам и идеям, заступившим на место «законодательного Разума» (Лукин, 2014, с. 103).

Второй парадокс касается того, что в процессе деконструкции «традиционных» ценностей открывается многообразие путей и возможностей к переосмыслению своего бытия, но для многих личностей в состоянии

искания нового быстро может настать момент, когда на место старых ценностей приходят иные формы нормативности: цинизм, нарциссизм. И такой человек, оторванный от традиции и классических рациональных представлений, является скорее более уязвимым для манипуляций, чем для обретения свободы как личностной, так и политической.

Третий парадокс связан с отношением власти и свободы. Власть в постмодернистском дискурсе теряет свою определенность как институт, так как институты пали вместе с метанарративами, и в таком положении власть приобретает диффузность и относительность, изменчивость с течением времени во всем социальном пространстве. И, к сожалению, это означает не то, что власть теперь растворилась и исчезла без следа, а наоборот, что она способна встретиться на каждом шагу, и индивид должен если не всегда сопротивляться власти то как минимум непрерывно быть готовым противостоять ей. Свобода перестает быть состоянием, которого можно достичь раз и навсегда, она превращается в постоянную практику социального взаимодействия и противодействия.

Четвертый парадокс касается понимания коммуникации в разных смыслах. С одной стороны, коммуникация рассматривается как пространство, в котором возможно взаимопонимание и рациональный диалог, а следовательно, свобода. С другой стороны, сама коммуникация пронизана властными отношениями, что делает идею идеальной, «свободной» коммуникации иллюзорной.

Эти парадоксы не являются случайными, они выражают глубинную противоречивость самого периода развития постмодернистских дискурсов. Постмодернизм все-таки не предлагает окончательного решения проблемы политической свободы, но использует ее в новом, более сложном и многомерном смысле.

Заключение

Политическая свобода как философская категория в дискурсе постмодерна претерпевает фундаментальную трансформацию. Классическое понимание свободы как освобождения от внешнего принуждения и достижения самостоятельности и самодостаточности уступает место более сложной и проблематичной интерпретации. Политическая свобода перестает быть универсальной ценностью, константой, она становится индивидуальной практикой, результат которой для каждого свой. Переосмысление власти в работах М. Фуко (1996) и Ж. Бодрийяра (2000a; 2000b) приводит к пониманию свободы как постоянного сопротивления симулякрам и дисциплинарным взысканиям. Свобода оказывается не столько состоянием, сколько независимым от нас процессом, требующим усилий на постоянной основе.

Коммуникативный поворот в философии ставит проблему свободы в зависимость от характера языковых практик и социальных взаимодействий, однако и здесь сохраняется проблемный вопрос: коммуникация уже опосредована властью.

Таким образом, можно сделать вывод, что постмодернистский дискурс не предлагает окончательного определения политической свободы, но он и не пытается дать универсальный ответ, это не в его духе; постмодерн проблематизирует саму возможность такого определения. Именно благодаря постмодернистскому дискурсу данная категория приобретает актуальность, становясь: предметом постоянного переосмысления, полем напряженной борьбы интерпретаций, задач, требующей личного и коллективного усилия.

Основной проблемой постмодернистского дискурса о понятии политической свободы является то, что он, – глубоко схватывая все особенности преломления политических феноменов в современной цифровой эпохе, указывая на необходимую критику оснований, несоответствие реальности классическим концептуальным рамкам, – при этом не дает направлений и ценностных ориентиров для построения новой матрицы восприятия политической свободы, ценностных ориентиров и границ для осмысления явлений политического бытия, что крайне значимо в эпоху пост-правды. Таким образом, в качестве перспектив исследования данной проблематики представляется крайне актуальным рассмотреть (на базе основных идей и представлений теоретиков постмодернизма, качественно описавших все проблемное поле реализации данного феномена на современном этапе) направления для развития философской концепции политической свободы с учетом восполнения нормативного дефицита, создания ценностных ориентиров и концептуальных рамок, пусть и находящихся в диалектической динамике, однако предоставляющих возможности для построения на их базе практико-ориентированных методов оценки политического бытия.

Материалы исследования | Research materials

1. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000a.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000b.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. –СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.
5. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь мир, 2003.

Источники | References

1. Анурин В. Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.
2. Биесов А. Г. Свобода человека в дискурсе постмодерна: потенции и реалии // *Язык. Культура. Коммуникации*. 2016. № 4. <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/482/555>
3. Волков В. Н. Постмодерн. Недоверие к метанарративам // *Культурное наследие России*. 2015. № 2.
4. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2013. № 5-6.
5. Высочина Ю. Л. Постмодерн как кризис культуры и языка // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2015. № 3.
6. Декомб В. Современная французская философия. М.: Весь мир, 2000.
7. Лукин А. Н. Постмодерн: раскрепощение личности и (или) деградация культуры? // *Социум и власть*. 2014. № 1 (45).
8. Петрова Г. И. Актуализация нетрадиционных методологий в современном научном мире // *Методология науки*. 1997. Вып. 2.
9. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г. Ф. Швейника, Г. А. Новичковой. М.: Академический проект, 2008.
10. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2015.
11. Apel K.-O. Globalization and the Need for Universal Ethics // *European Journal of Social Theory*. 2000. Vol. 3. № 2.
12. Gibbins J., Reimer B. The Politics of Postmodernity: In Intriduction to Contemporary Politics and Culture. L. – New Delhi – Thousand Oaks: SAGE, 1999.

Информация об авторах | Author information

Экзекова Мадина Николаевна¹, к. филос. н.

¹ Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова

Madina Nikolaevna Ekzekova¹, PhD

¹ Saint Petersburg State Forest Technical University

¹ AstaraRassvet@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.08.2026; опубликовано online (published online): 08.10.2026.

Ключевые слова (keywords): политическая свобода; политическое бытие; властные отношения; дискурс постмодерна; political freedom; political being; power relations; postmodern discourse.